

Комментарий к статье В.П. Зинченко

Д.А. Леонтьев

доктор психологических наук, профессор факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Есть статьи, которые вызывают к комментарию, читателя просто нельзя оставлять с ними один на один. Данная статья В.П. Зинченко к таким не относится. Ее трудно комментировать, поскольку любой текст можно оценивать лишь в контексте его собственных целей и задач, а здесь они не очень легко просматриваются. В чем вообще смысл этой статьи, т. е. ради чего она писалась? Неужели ради одного лишь доставляемого читателю интеллектуально-эстетического удовольствия?

Единственный тезис, который сформулирован в статье прямым текстом, — это тезис о смысле как «главном слове» психологии, сменяющем в этом качестве понятие души и целый ряд пришедших ему на смену. Надеюсь, меня последнего можно заподозрить в недооценке понятия смысла в психологии — его утверждению в ряду ключевых понятий отданы многие годы моей жизни. Меня, однако, настораживает сама монистическая идея о необходимости Одного Главного Слова. Таковое важно в прескриптивных — этических, идеологических или религиозных — системах мысли, «единственно верных учениях», где без него не обойтись, если мы хотим выстроить конкурентоспособный и легкоусваиваемый символ веры. В науке же, которая стремится максимально полно и правдоподобно объяснять реальность и трансформировать свой понятийный аппарат по мере того, как он перестает этой реальности удовлетворительно соответствовать, сама постановка вопроса о «главном» слове вызывает недоумение и обиду за остальные слова. Хорошо то понятие, которое работает, т. е. что-то объясняет, и нет таких понятий, которые могут объяснить все, даже в одной сравнительно частной области. Безусловно, важно, чтобы смысл был, но если его нет? К Мерло-Понти с его идеей «приговоренности к смыслу» поговорка «его бы устами да мед пить» применима еще больше, чем к Ницше. Впрочем, кого-кого, а В.П. Зинченко трудно заподозрить в стремлении объять необъятное одним даже самым любимым понятием и «приговорить к смыслу» всю психологию.

Остается усмотреть смысл этой статьи в оживлении, анимации понятия смысла, подчеркивании его протеической, не вещной природы, а природы процесса, «живого движения», не упаковываемого в словесные формулировки и исчезающего в своей «оставленности». Здесь я двумя руками «за» (см.: [4]). И, надо сказать, подход к смыслу через его метафоры видится, действительно, более чем адекватным. В.П. Зинченко проделывает с самим понятием смысла работу смысла — ведь метафора и монтаж пред-

ставляют собой способы создания рядов, в которых между объектами, событиями или словами выявляются смысловые связи — связи, обусловленные их включенностью в конкретный контекст жизни, а не их статичной природой. Выстраивая ряд метафор, повествующих о самом смысле, автор статьи извлекает из них то, что проливает дополнительный свет на смысл как таковой.

Впрочем, о ПОРОЖДЕНИИ смысла говорить, на мой взгляд, неточно. Вопрос о том, как он (по)рождается, — вопрос вопросов. Я пытался описать несколько механизмов такого порождения [3, с. 130–138], но далек от того, чтобы считать это описание ответом. По большому счету, порождение смысла есть установление какой-то связи меня с миром, ранее не существовавшей, а утрата смысла — разрыв такой связи. И рождается смысл только в практической жизнедеятельности. В свою очередь, работа сознания смысла не порождает — она позволяет либо осознать существование определенных связей и следствий из них или, напротив, вытеснить их из осознания, ослепнуть и оглохнуть по отношению к определенным фрагментам реальности, что, впрочем, не делает их менее реальными, т. е. чреватых последствиями для жизни субъекта. Я не увижу радугу смысла, если моя жизнь на деле тускла и ахроматична. Сознание, однако, обеспечивает способность или неспособность открывать смыслы своей жизни. Ахроматичными могут быть душевные «очки», не позволяющие увидеть те цвета, которые в потоке моей жизни присутствуют.

Смысл потому столь ценен, что он реален, он про то, что на самом деле происходит между мной и миром. В повседневной жизнедеятельности смысл и жизнь нераздельны, неразъемны. Некоторый зазор между ними создает искусство, заменяющее саму жизнь ее концентрированными моделями, сохраняющими все богатство смыслов и открывающее более прямой доступ к ним — не через проживание своей жизни, а через проживание мира художественного произведения. Это, однако, те же нередуцированные смыслы. Подлинное искусство всегда реалистично в том смысле, который вкладывал в это понятие А.Н. Леонтьев [1], связывавший его с подлинностью передачи смыслов, а не фактуры. Нереалистично в этом смысле конъюнктурное, ангажированное искусство (хотя бывают и исключения), нереалистичны бездарные или неудавшиеся произведения и нереалистично массовое коммерческое искусство, которое точнее называть квазиискусством или квазикультурой [2]. Последнее демонстрирует

ложность расхожего противопоставления идеалов и реальности, ибо в нем нет ни того, ни другого. Оно не открывает никаких смыслов, оно их назначает по своему усмотрению — что считать важным, что ценным, что достойным, что не является таковым, не вытекает из какого-либо места или роли этих явлений в жизни, из их следствий. Оно вообще ни из чего не вытекает, и любой вопрос «а почему?» остается без ответа. В некотором смысле масскульт является самым чистым случаем именно ПОРОЖДЕНИЯ смыслов — если, конечно, считать смыслами порождаемый им продукт. Для многих, однако, это именно так, и каких-либо других смыслов для них

просто не существует. За эти квазисмыслы люди не идут на верную смерть, но очень часто отдают им всю жизнь без остатка...

Я уже не о статье В.П. Зинченко, а о своем. Проблема, заслуживающая серьезного, прежде всего эмпирического изучения, для меня сейчас — почему одни люди ориентируются на смысл, а другие нет? Чем одни отличаются от других, что привело к формированию таких разных систем регуляции жизнедеятельности, как можно что-то исправить? Имеющие глаза восхищаются радугой без специальной агитации, слепым же агитация не поможет, им не обойтись без хирургического вмешательства.

Литература

1. Леонтьев А.Н. О психологической функции искусства (гипотеза) // Художественное творчество и психология / Под ред. А.Я. Зиса, М.Г. Ярошевского. М., 1991. С. 184–187.
2. Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства. М., 1998.

3. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 1999.
4. Леонтьев Д.А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): Материалы международной конференции / Под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2005. С. 36–49.

Comment by D.A. Leontiev

D.A. Leontiev

Ph.D. in Psychology, professor at the Faculty of Psychology at the Lomonosov Moscow State University

References

1. Leont'ev A.N. O psihologicheskoi funkicii iskusstva (gipoteza) // Hudozhestvennoe tvorchestvo i psihologiya / Pod red. A.Ya. Zisya, M.G. Yaroshevskogo. M., 1991. S. 184–187.
2. Leont'ev D.A. Vvedenie v psihologiyu iskusstva. M., 1998.

3. Leont'ev D.A. Psihologiya smysla. M., 1999.
4. Leont'ev D.A. Novye gorizonty problemy smysla v psihologii // Problema smysla v naukah o cheloveke (k 100-letiyu Viktora Frankla): Materialy mezhdunarodnoi konferencii / Pod red. D.A. Leont'eva. M., 2005. S. 36–49.